

ГАРДЕМАРИНЫ ПЕТРА I ВО ФРАНЦИИ (ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ)

П. А. Кротов

Заметное воздействие на процесс складывания офицерского корпуса Петровского флота оказала предпринятая в 1716 г. посылка трех групп гардемарин для обучения во Францию, Англию, Венецию и из Венеции в Испанию. Вероятно, помимо задачи подготовки в этих странах будущих офицеров, Петр I преследовал и более общую цель привития русской дворянской молодежи, будущему цвету российского офицерства, европейского образа жизни Нового времени, отрыва молодых отпрысков русской знати от традиционных культурных устоев Московской Руси XVII в., носителями которых были их отцы и деды.

Сюжет о пребывании гардемарин Петра I во Франции до нынешнего времени не получил целостного освещения в историографии. В существующей литературе либо только упоминается об этом примечательном эпизоде русско-французских культурных связей, либо приводятся о нем достаточно краткие сведения¹.

В записной книжке царя, по всей видимости 1715–1716 гг., есть запись: «О посылке молодых в Англию и Венецию на флоты. Х Куракину, чтоб о таких же писал во Францию в службу»². Для воплощения этого замысла предпринимались подготовительные меры по дипломатическим каналам, и 2 марта 1716 г. Петр I написал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину из Данцига, что получил известия о том, что в Венеции и во Франции согласны принять в морскую службу для обучения россиян, и потребовал у генерал-адмирала «как наискорее» отобрать из учеников Морской академии 60 чел. из «лучших дворянских детей» для отправления к нему, с тем чтобы потом послать их в Венецию, Францию и Англию³. Ф. М. Апраксин, в свою очередь, предписал возглавлявшему Морскую академию А. А. Матвееву выбрать для посылки за рубеж 60 учеников «лучших пород и пожиточных»⁴. 4 октября 1716 г. Петр I на стоявшем у Копенгагена корабле «Ингерманланд»⁵, по словам одного из участников события С. И. Мордвинова, «изволил всех гардемарин сам смотреть и

разбирать»⁶. В тот же день вышел царский указ послу в Копенгагене В. Л. Долгорукову: «Принять вам гардемарин (которые посылаются для науки навигации во Францию и в Венецию) по росписям и отправлять их на торговых или лучше на военных кораблях в Голландию к послу князю Куракину»⁷, и в феврале 1717 г. 20 российских гардемарин прибыли во Францию в порт Сен-Мало, где были встречены российским военно-морским агентом во Франции К. Н. Зотовым и направлены на обучение в Тулон и Брест⁸. В первоначально намеченном для отправления во Францию составе отряда гардемарин произошли перемены⁹, и там проходили обучение следующие 20 россиян: князя Б. С. Борятинский, А. Д. Волконский, И. Несвицкий, Б. Г. Юсупов, дворяне И. Безобразов, А. Глебов, И. М. Дубровский, А. Г. Жеребцов, И. И. Кикин, А. М. Кологривов (Кологривой), А. Мещеринов (Мещеринской), Л. Милославский, С. И. Мордвинов, А. И. Полянский, Д. А. Путилов, А. Пушкин, В. Я. и М. А. Римские-Корсаковы, П. С. Салтыков и Г. Сунбулов.

Обучение гардемарин в Морских академиях Бреста и Тулона зиждилось на предписаниях Кольбера 1682 и 1683 гг. (данных при их основании), несколько уточненных в 1689 г.¹⁰ Обязательной являлась ежедневная утренняя месса, от которой, согласно французским источникам, 20 «москвитов»-«схизматиков» были освобождены¹¹. В Академии Бреста, для примера, гардемарины по понедельникам, средам и пятницам с 13 до 16 часов занимались математикой и «гидрографией» (последний курс, судя по его содержанию, в России именовался навигацией), во вторник изучали военно-морское кораблестроение и устройство кораблей, в четверг – артиллерийское дело, суббота посвящалась посещению кораблей, верфей и беседам с учителями тех гардемарин, которые этого желали. Воскресенье было днем отдыха. Постановка учебного процесса в Тулонской академии имела отличия: ежедневно, с понедельника до субботы включительно, с 8 до 10 часов утра гардемарины занимались «гидрографией», с 10 часов до полудня – устройством кораблей и кораблестроением, после чего час – артиллерийским делом. Слушатели курса «гидрографии» делились на 4 «класса» в зависимости от уровня их знаний. Имелся также курс фортификации¹². В 1717 г. в Бресте обучались 103 французских гардемарина, в 1718 и 1719 гг. – 101; в Тулоне в 1717 г. – 80, в 1718–1719 гг. – 77¹³.

Интересно привести и свидетельства русских очевидцев учебы россиян в Бресте и Тулоне. И. И. Неплюев, посетивший 13–14 мая 1719 г. Тулон, где, по его словам, пребывали Б. С. Борятинский, А. Д. Волконский, А. Г. Жеребцов, А. И. Полянский, В. Я. и М. А. - Римские-Корсаковы и Б. Г. Юсупов, писал: «Учатся они в академиях с французскими гардемаринами, которых в той академии 120 человек, навигации, инженерству, артиллерии, рисовать мачтапов (то есть с масштабом. – П. К.), как корабли строятся, боцманству (то есть оснащать корабли), артикулу солдатскому, танцовать, на шпагах биться, на лошадях ездить; в школу ходят дважды в день; а учат их всему безденежно королевские мастера; а жалованья от королевского величества дается им на месяц по 3 ефимка...»¹⁴ Отрывочные известия об учебе россиян в Морской академии в Бресте содержатся в дневнике находившегося там тогда же двоюродного брата царя И. Л. Нарышкина: «После обеда пошли мы... смотреть, как спускали фрегат пушек в 40, где было множество офицеров и все наши гардемарины...» (20 мая 1718 г.)¹⁵; «вышли мы посмотреть на Champ de bataille (полигон. – П. К.), как учатца гардемаринны мереть на земле розные примеры...» (24 мая 1718 г.)¹⁶ и др. Много в дневнике И. Л. Нарышкина сведений и о тесном общении россиян в Бресте со знаменитым французским кораблестроителем, тогда подмастерьем корабельного дела, Ж. Оливье.

Обучение за границей стоило гардемаринам больших денежных сумм. В отличие от гардемарин, посланных в Венецию и Испанию, их находившиеся во Франции товарищи не добились назначения себе царского жалованья. Со слов унтер-лейтенанта В. Я. Римского-Корсакова в 1724 г. записано: «...и как он... с гардемаринны служил в городе Тулоне, денежного жалованья не получали, а жили на своем коште (содержании. – П. К.)»¹⁷. С. И. Мордвинов в своих позднейших «Зависках» вспоминал: «Будучи во Франции (в Бресте. – П. К.) около 6 лет... жил на своем коште, присылали из дому от матери чрез вексель деньги»¹⁸.

4 марта 1717 г. К. Н. Зотов написал кабинет-секретарю царя А. В. Макарову из Бреста полное отчаяния письмо о нищенском положении принятых там в Королевскую роту морских стражей 10 русских гардемарин: «На день им идет по 12 копеек только, и больше нет ни квартир, ни мундиру; оные 12 копеек только для знаку, что

в королевской службе, а чтобы ими пробавляться, то того и думать невозможно: один мундир станет в 50 ефимков... и лучше бы их перебить, что поросят, нежели ими срамиться и их здесь с голоду морить; многие хотят в холопы идти, только я их страшаю жестоким наказанием...»¹⁹

Отклик царя на вопль отчаяния из Бреста был сдержанным. А. В. Макаров 26 июня 1717 г. писал Ф. М. Апраксину: «Отправленные гардемаринны, особливо во Франции, великую нужду терпят, а для того извольте приказать дать знать отцам и матерям, чтоб к ним переводили для тамошняго житья деньги»²⁰. В приложенной к письму росписи указывалось, что среди посланных во Францию 20 гардемарин «гораздо есть бедные, о которых надлежит иметь большое попечение господам адмиралтейским советникам». К особо нуждающимся были отнесены 10 чел.: И. М. Дубровский, А. Г. Жеребцов, А. М. Кологривов, А. Мещеринов, С. И. Мордвинов, И. Несвицкий, А. И. Полянский, Д. А. Путилов, А. Пушкин, Г. Сунбулов²¹.

Примечательно, что один из остро нуждавшихся, А. М. Кологривов, перечисленный в списке учеников Навигацкой школы от декабря 1706 г. в числе дворянской знати («господских детей»)²², в 1711 г. обучавшийся «в геометрии» и показавший за собой в том же году 87 дворов крепостных крестьян²³ (сколько было за его отцом?), сделал в Троице-Сергиев монастырь роскошный вклад – большую серебряную лохань чеканной работы с золочением XVII столетия. Ее ныне можно видеть в музее Троице-Сергиевой лавры. По музейной документации, вклад был сделан в 1708 г., однако есть основания полагать, что А. М. Кологривов принес этот дар по возвращении из заморских стран на родину: лохань английской работы; важно и то, что тематика чеканки – морские мифологические сюжеты. Логично считать, что это его вклад за «спасение» во время пребывания на краю Европы – во Франции. Щедрый дар гардемарина А. М. Кологривова, что существенно в настоящем случае, подтверждает весьма относительный, «внешний» характер его «бедности». Драгоценная лохань была явно приобретена А. М. Кологривовым на чужбине «на память» или сразу же для вклада в монастырь.

Среди писем А. С. Мордвиновой, матери гардемарина С. И. - Мордвинова, сохранилась «Роспись, что послано денег к Семену за море» за 1716–1722 гг.²⁴ Согласно ей, в 1716 г. у отправившегося в

заморское плавание к Копенгагену С. И. Мордвинова имело 160 руб.; при этом, по документам финансовой отчетности за 1716 г., гардемарины получили «в бытность при Ревеле и в Копенгагене по окладам их... сполна»²⁵. В 1717 г. мать послала С. И. Мордвинову во Францию в Брест 100 руб., в 1718 г. – 150 руб., в сентябре того же года – еще 50 руб., в 1719 г. – 100 руб., в 1720 г. – тоже 100 руб., а в последнем 1722 г. для уплаты всех долгов и на дорогу домой – 470 руб., всего 1130 руб.²⁶

Отец С. И. Мордвинова Иван Тимофеевич, погибший в сражении у Нарвы 19 ноября 1700 г. за два с половиной месяца до рождения сына, был малопоместным новгородским дворянином. В написанной им в январе 1697 г. собственноручной «сказке» о своей службе и поместьях он сообщал «в правду безо всякие утайки», что за ним числится лишь 27 дворов и, кроме того, ежегодно поступает оброчных денег «за пустую пашню, и за сенной покос, и за рыбную ловлю» 31 руб. 75 коп.²⁷ Судя по письмам вдовы И. Т. Мордвинова Авдотьи Степановны сыну-гардемарину во Францию, ее денежные затруднения не были вымышленными. В январе 1717 г. она писала сыну: «И как ты, мое дитетко... выехал из двора, и в доме нашем непрестанные убытки, а моя печаль неутолимая»²⁸. А 10 октября того же 1717 г. она сокрушалась: «...послала я к тебе, мой свет Семен Иванович, с сей грамоткой денег пятьдесят рублей. А больше того мне взять негде. Как изволишь уже, и так голова моя вся в долгу»²⁹. В письме 1717 г. мать давала наказ: «И ты, мое дитятко, денег береги: тебе с ыными не сверстатца»³⁰. Или, в письме от 1 сентября 1718 г. материнские переживания по поводу безденежья сына: «Как я, бедная, могу жива быть, слышечи, что ты, мое дитетко, мрешь с голоду. На ково я век свой сокрушаю в таких неутомимых суетах»³¹. Колоритное высказывание – просто крик души – имеется в письме А. С. Мордвиновой сыну от 10 мая 1722 г.: «Не токмо что продать могла бы, я душу свою к тебе, свету, послала [бы], да мочи моей нет. А ныне к тебе еще послал [а] сто семдесят рублей»³².

Подобные же крупные расходы несли и родители других гардемарин. Скончавшемуся 24 мая 1721 г. во время морового поветрия в Тулоне во Франции гардемарину Б. С. Борятинскому, как свидетельствовал в 1724 г. для Адмиралтейской коллегии его брат лейте-

нант флота Яков, было послано за годы его учебы «для пропитания... несколько тысяч рублей из дому ж отца нашего»³³. Для возмещения долгов этого скончавшегося во Франции гардемарина в 1724 г. определением Камер-коллегии родовое имение его отца было отписано в казну, а мать и прочие его домочадцы скитались, по словам Я. С. Борятинского, «меж двор без пропитания»³⁴.

Сохранилась роспись французских долгов Б. С. Борятинского от 10 декабря 1721 г., заверенная в Тулоне же его товарищами А. Д. Волконским, В. Я. и М. А. Римскими-Корсаковыми и Б. Г. Юсуповым³⁵, – ценный источник для изучения и материального положения, и образа жизни русских гардемарин за рубежом. Всего за Б. С. Борятинским числилось 2922 франка и 5 су долга, или 730 руб. 56 коп. В структуре долгов выделяются расходы Б. С. Борятинского на наем жилья – проживание в гостинице («волном доме»), «за наем каморы» – и «за харчь... в волном доме» – 675 франков, расходы на необходимую одежду, поддержание соответствующего сословному положению дворянина внешнего облика – шляпному мастеру 50 франков, за позумент золотой на шляпу 15 франков, «шпажной мастерице» 21 франк, за перчатки и пудру 3 франка, «за мешок, в которой волосы убирают», 4 франка, парикмахерам 70 франков, портному 19 франков. Есть в росписи, помимо записей о займах денег без уточнения их назначения, и такие свидетельства нужды русского гардемарина: «должен мадмозеле Рустане, которой заложено: кафтан, камзол и штаны, 300» (франков); «должен мадаме Буйсон взаем взятых денег... 757 (франков. – П. К.), еще ж помянутой заложено ево платьев...».

Подобный же характер долговых обязательств был и у скончавшегося 19 июня 1721 г. в Бресте гардемарина И. М. Дубровского³⁶, пребывавших с 1719 г. в Марселе гардемарин А. Г. Жеребцова и А. И. Полянского. Первый на 14 (25) мая 1724 г. был должен во Франции 3401 франк, второй – 3449 франков³⁷. О двух последних гардемаринах Петр I в ноябре 1721 г. отдал Ф. М. Апраксину распоряжение писать о возвращении их в Петербург³⁸. Однако они по причине крайнего разорения их родителей от непосильных расходов длительное время удерживались в Марселе за долги. А. И. Полянский явился в Адмиралтейскую коллегию в Петербурге по возвращении из Франции только 4 октября 1725 г. и после экзаменов у вице-

адмирала М. Х. Змаевича и шаутбенахта (контр-адмирала) Т. Сандерса 16 октября того же года был определен унтер-лейтенантом флота³⁹. Это стало возможным, после того как его отец обер-кригс-комиссар И. Полянский перевел во Францию в 1724 и 1725 гг. 560 руб., а остальные 198 руб. 78 коп., позднее возвращенные казне, были высланы за него Адмиралтейской коллегией⁴⁰.

А. Г. Жеребцов пребывал во Франции до 1728 г., причем последние 6 лет служил подпоручиком французского галерного флота⁴¹. Адмиралтейская коллегия 4 января 1726 г. постановила для уплаты долгов А. Г. Жеребцова перевести во Францию 856 руб. 25 коп., или 3425 франков, взяв у его отца письменное обязательство, что если он вскоре не уплатит этой суммы казне, то ее будут «править» на его жене, детях и наследниках или возьмут из движимого и недвижимого имущества⁴². Показательно, что прибывший после оплаты Коллегией его долгов во Франции на корабле в Амстердам А. Г. Жеребцов проживал там в течение года, после чего опять-таки за долги попал в тюрьму, где сидел 25 месяцев, освободившись оттуда после того, как мать выслала необходимые для оплаты новых долгов деньги⁴³. Лишь 9 сентября 1732 г. на 17-м году после отъезда из России «блудный» гардемарин А. Г. Жеребцов явился в Адмиралтейскую коллегия и просил определить его в подпоручики галерного флота⁴⁴. В прошении на имя Анны Ивановны он в том же сентябре 1732 г. просил освободить его от уплаты сделанных долгов из-за «всеконечной скудости», в следующих словах обрисовав свое положение: «...мне тех денег взять негде, понеже отец мой в небытность мою волею Божию умре, а которая имелись за ним деревни, и те без призрения все разорились»⁴⁵. Однако приговор Адмиралтейской коллегии от 26 октября 1732 г. гласил отпустить его «в дом» и до 1 января 1733 г. внести переведенную за него во Францию Коллегией сумму, в противном же случае следовало все его деревни отписать в казну⁴⁶.

Обучение молодых дворян-гардемаринов вдали от отечества без надлежащего присмотра имело разного рода издержки. Затрагивая эту тему, служивший в Петровском флоте около десяти лет в качестве офицера англичанин Д. Ден писал в 1723 г.: «...часть великосветских отпрысков, пользуясь широким кредитом, пустилась во всевозможное мотовство и жила расточительно, постоянно посещая

театры, игорные дома, столы и проч., подражая преобладающим привычкам той нации, где они находились, и избегая по возможности морских плаваний...»⁴⁷ Ряд гардемаринов действительно придерживался подобного образа поведения. Так, 16 сентября 1717 г. К. Н. Зотов писал А. В. Макарову, что А. Глебов в Тулоне «поколот шпагою» Б. С. Борятинского, там же Г. Сунбулов «одного француза разстрелил из пищали» и скрылся с места преступления. К. Н. Зотов предлагал прислать к гардемарином русского дядьку-опекуна, который заставит их «смирно жить»⁴⁸. Петр I, получив сведения, что гардемарины во Франции «живут несмирно и некоторые между собою передрались и перекололись шпагами», также «больше гуляют, нежели учатся», предписал А. Л. и И. А. Нарышкиным в Бресте иметь за ними «присмотр, дабы они не гуляли и обучались»⁴⁹. Судя по их дневнику, с этой возложенной на них обязанностью они справлялись в Бресте вполне успешно. В их дневнике немало подобных записей: «После обеда ходили мы на Champ de Bataille смотреть, как гардемарины геометрические фигуры располагают на земли...»⁵⁰; «обедали мы у Солтыкова, Кикина, Пушкина, которые вместе живут, и ужинали у них же...»⁵¹.

К надлежащему поведению на чужбине, к примеру, подвигала в своих письмах-«грамотках», адресованных «отдать... во Францию в городе Брести новгородцу гардемарину Семену Ивановичу его милости Мордвинову»⁵², его мать Авдотья Степановна. Она призывала сына: «Живи, мой батюшко, смирненько. Сам себя береги во всем, а не детиним разумом, и паки прошу у тебя, сердешное мое дитетко, принимай себе науку добрую, а не другое что, не опечаль меня, бедной, при старости»⁵³. Или, в другом письме: «Да прошу у тебя, мое сердешное дитетко Семен Иванович, напаметуй свое отечество и не поругай моей слезной прозбы и живи постоянным разумом и молися Господу Богу и Пресвятой Богородице Знаменью и Одегитрей Посолотинской...»⁵⁴ Там же она просила: «... живи, пожалуй, нероскошно. Сам ты снаешь, где матери взять»⁵⁵. Те же мысли и в письме, по-видимому, относящемся к 1720 или 1721 г.: «И ты, мой батюшко, живи смирненько и учися с прилежанием. И Господь любит всегда смиренных. И молися Господу Богу...»⁵⁶

Российские гардемарины стали возвращаться из Франции после указа Петра I от 23 сентября 1721 г.: «Дворянским детям, которые

обретаютца для наук во Франции, быть в Санкт-Петербурх. И о том отцам их или свойственником объявить, чтоб они о том к ним писали»⁵⁷.

О пользе обучения во Франции петровских гардемарин можно судить по успешному служебному продвижению в последующие годы значительной части из них (на их быстрый рост по службе влияли, конечно, и другие факторы). Так, главнокомандующий российской армией П. С. Салтыков прославил русское оружие, одержав победу над пруссаками 12 июля 1759 г. при Пальциге и наголову разгромив армию Фридриха II 1 августа 1759 г. при Кунерсдорфе. С. И. Мордвинов прошел путь до полного адмирала (1764 г.) и завершил службу Отчизне в 1777 г., в год своей смерти. Его перу принадлежит ряд книг по навигации. А. И. Полянский отличился, командуя Балтийским флотом, при взятии Кольберга в 1761 г. Полным адмиралом он стал в 1764 г., командовал флотом в кампанию того года, по окончании которой скончался, находясь на службе, — красивое завершение жизненного пути одного из выдающихся моряков России. В. Я. Римский-Корсаков закончил служебный путь производством при увольнении в чин вице-адмирала (1755 г.), Д. А. Путилов в 1751 г. стал капитаном 1 ранга⁵⁸. Столь задержавшийся за границей А. Г. Жеребцов в 1753 г. был назначен президентом Юстиц-коллегии⁵⁹, стал сенатором⁶⁰ и генерал-аншефом⁶¹ (чин 2 класса по Табели о рангах).

1 Устрялов Н.Г. О навигаторах и гардемаринах Петра Великого. 1707–1716 // Торжественное собрание императорской Академии наук 29-го декабря 1865 года: Речи, произнесенные в сем собрании. СПб., 1866. С. 68–69; Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 424, 585–586; Рачинский А.В. Первые русские гардемаринны за границей в XVIII столетии // Сб. Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1880. Вып. 1. С. 188–192; Veuchlin E. Les origines franzaises de la marine russe // Revue des йtudes franco-russes. Paris, 1907. Année 1. P. 286–287; Haumant E. La culture franzaise en Russie (1700–1900). Paris, 1910. P. 24; Бакланова Н.А. Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика, культура). М., 1966. С. 309; Okenfuss M.J. Russian students in Europe in the age of Peter the Great // The eighteenth century Russia. Oxford, 1973. P. 140; Vergй-Franceschi M. Marine et йducation sous l'ancien rйgime. Paris, 1991. P. 203, 206.

2 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 526; Д. 54. Л. 93.

3 Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1866. Ч. 3. С. 123–

124.

4 Там же. С. 127.

5 Там же. С. 131.

6 Мордвинов С.И. Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою. СПб., 1868. С. 11.

7 Рачинский А.В. Первые русские гардемаринны... С. 189.

8 Мордвинов С.И. Записки... С. 12; Сборник императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1881. Т. 34. С. 116–117.

9 См.: Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Архив СПбФ ИРИ РАН). Ф. 256. Оп. 1. Д. 47. Л. 37 об.; МИРФ. Ч. 3. С. 131; Сб. РИО. Т. 34. С. 116–117. Во Францию были посланы гардемаринны А. Пушкин и И. Безобразов; напротив, определенные сначала во Францию князь А.А. Белосельский и И.И. Чириков обучались в Венеции и затем Испании.

10 Vergй-Franceschi M. Marine et йducation sous l'ancien rйgime. P. 142–143, 183.

11 Ibidem. P. 206.

12 Ibidem. P. 187–189.

13 Ibidem. P. 199.

14 Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893. С. 56–57.

15 Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 73. Оп. 1. Д. 76. Л. 62 об.

16 Там же. Л. 63.

17 Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 212. Оп. 1. Д. 39. Л. 32.

18 Мордвинов С.И. Записки... С. 13.

19 МИРФ. Ч. 3. С. 143.

20 ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 2. Д. 207. Л. 7.

21 Там же. Л. 7 об.

22 Там же. Ф. 608. Оп. 1. Д. 130. Л. 84.

23 МИРФ. Ч. 3. С. 308.

24 Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 256. Оп. 1. Д. 47. Л. 32.

25 РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–7 об.

26 Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 256. Оп. 1. Д. 47. Л. 32.

27 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 994. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.

28 Там же. Л. 5 об.

29 Там же. Л. 6.

30 Там же. Л. 2.

31 Там же.

32 Там же. Л. 8.

33 РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 39. Л. 28.

34 Там же.

35 Там же. Л. 5–6 об.

36 Там же. Л. 6 об.; Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 256. Оп. 1. Д. 47. Л. 34 об.

37 РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 39. Л. 14–15.

- 38 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 23. Л. 101 об.
- 39 РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 39. Л. 107–107 об.
- 40 Там же. Л. 55–56, 81, 88.
- 41 Там же. Л. 103 об., 110.
- 42 Там же. Л. 80–80 об., 88, 110.
- 43 Там же. Л. 103–103 об.
- 44 Там же. Л. 103 об., 105.
- 45 Там же. Л. 110–110 об.
- 46 Там же. Л. 113.
- 47 Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 116.
- 48 МИРФ. Ч. 3. С. 159.
- 49 Там же. С. 168.
- 50 ОР РНБ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 76. Л. 61 об.–62.
- 51 Там же. Л. 62.
- 52 Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 256. Оп. 1. Д. 47. Л. 2 об.
- 53 Там же. Л. 6. – Письмо А.С.Мордвиновой от 10 октября 1718 г. из Петербурга.
- 54 Там же. Л. 5. – Письмо А.С.Мордвиновой. Получено в Бресте 28 февраля 1718 г.
- 55 Там же. Л. 6.
- 56 Там же. Л. 12.
- 57 РГАВМФ. Оп. 1724 г. Д. 45. Л. 1 об.; Оп. Указы. Д. 4. Л. 171.
- 58 Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 254–259, 312–313, 324–326, 334–336.
- 59 Там же. СПб., 1885. Ч. 2. С. 137–138.
- 60 РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 540. Л. 155б.
- 61 Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 96.